

Николай Атаманов
Александра Ветрова

Дневник

Николай Атаманов

Дневник

«Издательские решения»

Атаманов Н.

Дневник / Н. Атаманов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512477-7

Каким вы видите мир, когда все умерло? Что бы с вами стало, если бы жизнь кончилась в один момент? Над этим думает и главный герой. Сюжет разворачивается через несколько месяцев после биологической катастрофы. Неизвестный записывает в дневник всё, что видит и чувствует. Фиксирует в надежде, что кто-то прочтет, а может просто чтобы не сойти с ума. Даже в полной пустоте есть свои враги — одиночество, страхи, неожиданные опасности. Сколько бы людей ни умерло, нужно бороться, пока жив сам. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-512477-7

© Атаманов Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава первая: Школа	8
Глава вторая: уничтожая прошлое	9
Глава третья: Образ	10
Глава четвертая: холод	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дневник

Николай Атаманов Александра Ветрова

© Николай Атаманов, 2020

© Александра Ветрова, 2020

ISBN 978-5-0051-2477-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Именно сейчас я, наконец, представляю, что такое человек. Когда город стих, когда экраны не светят. Когда нет больше ничего кроме мыслей. В этой тишине и бесконечном мраке теперь отчетливо виден человеческий силуэт. Без модных тенденций и политических идеологий. Без популярности и карьерного роста. Без новостей и сплетен. Остался только человек, а не то, что мы раньше считали им. Остался только он и мертвый мир вокруг.

Прошло некоторое время после того, как было испытано биологическое оружие. Неудачно, как можно заметить. Ситуация уж слишком стремительно вышла из-под контроля. Я не эпидемиолог, но когда население страны вымирает за месяц – я считаю, что что-то пошло не так. Никто не знал в чем дело, государство скрывало. Честно, я и до сих пор мало что об этом знаю. Однако ученые разрабатывали что-то в своих научных лабораториях. И это «что-то» оказалось сильнее, чем планировалось. Никакая защита не помогала сдержать заразу.

У людей отказывала нервная система, а ведь она отвечает за все в организме. Если нарушена связь, ну скажем, «головной мозг-почки» – последние больше не смогут выполнять свои функции. Вы поняли, как это работает, не так ли? Люди теряли контроль над своими же органами. Население сокращалось стремительно. Ни у кого не было идей как остановить все это. И как же сложно осознать тот факт, что утром у тебя отказала печень, а к обеду все станет только хуже.

Были, однако, и выжившие – люди, нервная система которых проигнорировала сигнал отказа. Однако и тут все не так прекрасно. За все в этом мире приходится платить, но об этом позже. Не знаю сколько нас таких осталось, сколько живых еще бродит в округе. Но мне уже давно не удавалось найти хоть кого-нибудь.

Многое стало невозможным в наше время: пиццу на дом больше не принесут, готовить не из чего. В лучшем случае – ты найдешь крупы и консервы в заброшенных супермаркетах. Нельзя сесть на метро и уехать на другой край города. Теперь ты топаешь битые часы, натирая мозоли. Велосипед никто использовать не запрещал, но проедешь ты, как выяснилось, далеко не везде. Самое же неприятное – трупы. Люди часто падали возле дома, например, если им захотелось покурить. Сначала мертвецов собирали, увозили куда-то, пожалуй лучше и не знать куда. Но потом... потом стало некому этим заниматься. Да и некогда... Поэтому, всегда есть риск наткнуться на разлагающееся под открытым небом тело мертвеца.

Но далеко не все так грустно. Жизнь стала проще сразу в нескольких аспектах. Например, теперь быть бездомным – это нормально. Ты действительно гражданин мира. И тебе никто не сможет запретить поспать на беседке в парке, в аптеке, в кабаке – если прорвешься через карантинные ограничения – в чужой квартире, при условии, что она не заперта.

Первое время у меня была депрессия. Прежняя и такая привычная жизнь рухнула. Остался только я и одиночество. Да, одиночество – самый настоящий монстр, всегда следующий по пятам. Куда ни пойдешь, знаешь, что он будет там. Пустые комнаты, разбросанный хлам, желтые ограничительные ленты и... одиночество. Одиночество заставляло меня думать, заставляло меня страдать, заставляло кричать.

У многих одиночество ассоциируется со свободой. Тебя ничто не держит. Ты волен делать все, чего только пожелаешь. Уезжать, куда хочешь. Проводить весь день за компьюте-

ром, ни перед кем не отчитываясь. Никому ничего не должен. Ты можешь даже ходить по дому в одних трусах в жару. Неспешно читать книгу, ведь никто не отвлекает тебя от твоих мыслей и погружения в иной мир.

Однако одиночество многогранно. Мы не можем описать его одним лишь словом. Для каждой ситуации оно разное. Моё одиночество кажется Вам детским лепетом. Вот только мы не всегда можем почувствовать, что одиноки. Кто-то рьяно рвется, чтобы узнать это, а кто-то летит со всех ног.

Исследователи из Массачусетского технологического института, где находится Институт обучения и памяти имени Пикауэра (Picower Institute for Learning & Memory), обнаружили, что разные типы нейронов отвечают за ощущение физического одиночества и одиночества, которое мы испытываем, находясь среди незнакомых и даже враждебных нам людей.

Как вы могли понять, со временем я начал читать старые журналы, книги, вырезки из газет на стене, надписи на подъездах – под каждой я старался оставить свою, поговорить, изучал названия улиц, гравировки на памятниках. Все, что когда-то обходило мое внимание стороной, теперь жадно им поглощается. Я запоминал все, что вычитал и увидел. Это мое главное хобби. Оно появилось от скуки. Теперь я знаю многое, но мне некому это рассказать. Парадокс, не правда ли?

По утрам я качался. Нарращивать мышечную массу – лучшее занятие для недовольных своей жизнью. Я приседал, сначала по тридцать, а потом уже по семьдесят раз без передышки. Отжимался, находил какой-нибудь кирпич, поднимал его столько, сколько смогу. Затем бежал. Долго. Стучал рваной подошвой кроссовок по опустевшим улицам, пересекал мосты, парки. Я заранее достал протеинового порошка, мешал его с водой и пил. Это просто. Порошок достать проще, чем настоящие источники белка. Главное не переборщить с этим месивом.

Это тяжело – жить в том, что создало человечество, когда человечества больше нет. Оно породило и меня. И очень многое из того, чего я достиг, чему научился за все эти годы, теперь попросту бесполезно. Если вокруг нет людей – большей части тебя тоже нет. Всё потому что человек – социальное существо. Люди умерли, а вместе с ними и я, оставшись здесь забытой душой, призраком. Моя участь – скитаться по пустым улицам голой планеты. Это не похоже на жизнь, но я очень стараюсь. Особенно сложно осознавать, что ты уже совсем не тот, кем был раньше. Дело даже не в том, что одиночество меняет человека. Моя биология никогда не станет прежней. Так как я пережил эпидемию, организм приспособился к новым условиям. Например, во мне больше не работает система поощрения – пришлось распрощаться с дофамином. Никакой радости, сниженная мотивация – если раньше, я что-то делал, чтобы получить от этого приятное чувство в душе, теперь я делаю лишь от скуки, делаю что-то, чтобы делать что-то, никаких привязанностей – я ем, чтобы не умереть, ведь мне безразличен вкус, я выпиваю, чтобы быстрее уснуть, мне больше не приятен горьковатый вкус алкоголя. А воспоминания о том времени, когда мне было что – то в радость, кажутся мне странными, туманными и мыльными, я с трудом верю что было так.

Меня зовут Н., мне 20 лет, все мои родные умерли. Это моя история. История только меня одного.

Глава первая: Школа

8:30. Пора вставать. Мне некуда спешить, однако я хочу создавать иллюзию, что это не так. Глаза едва открываются, но нужно держаться, если сдамся – встану только к полудню. Достая книгу из рюкзака на полу. Учебник нейрофизиологии, написанный какими-то умными людьми. Я все равно ничего не запомню с утра. Сейчас главное – размять мозг, заставить его концентрироваться на информации.

Встаю и направляюсь в ванную. В зеркале появляется силуэт небритого мужчины. Я уже давно похож на заросшего бомжа. Решил не сбривать бороду пока не встречу хотя бы одного живого человека.

Позавтракаю, пожалуй сахарными хлопьями с... обычной родниковой водой. Всегда приятно найти что-то, что почти не имеет срока годности. Главное, не пить оттуда, где раньше были заводы и другая промышленность.

Отправившись на пробежку, я случайно добрался до школы. Мне захотелось оживить это место, сделать вновь храмом знаний. Я зашел в кабинет, разложил учебники на парты, расписал на доске задачи. Затем, через сорок пять минут раздался звук. Ручка стучит по металлической линейке. Это звонок на обед. Время занять место в столовой. Вытащил из рюкзака «Доширак», разжевал его. Ударил вилкой об стакан – это звонок на физ-ру. Конечно, после еды не стоит заниматься какой —либо физической активностью, но я же не стану нарушать расписание, которое сам же и создал. Трудно быть одновременно учеником, учителем и директором школы.

Я играю в баскетбол один. Метаюсь от кольца к кольцу, представляя, что обхожу игроков. Даю пасы стене, она передают мяч мне в ту же секунду. Вымышленный противник обескуражен, я несусь к следующей зоне. Бегу и комментирую игру. Я одновременно диктор, игрок, судья, болельщик. Прыгаю и попадаю в кольцо. Игра закончена.

Да, чтобы вы понимали, мне одиноко. На обратном пути я швырнул мяч в окно. Стекло разлетелось с характерно резким звуком. Это был звонок на литературу.

Я читаю сам себе. Толстой рассказывает мне о Болконском. Болконский о дубе. Дуб о том, что жизнь еще не кончена. И во всем этом нужно найти скрытый смысл, тайну в строках. Я ненавижу выкладывать что-то на бумаге. Во мне притаился нерадивый писатель – лентяй. Когда я пишу, он визжит о том, что все плохо. Когда я не пишу, он вопит еще громче и яростней. Поэтому изложить на бумаге, порой, сущая мука. Но я справился. Сдаю работу. Сажусь на место учителя, протираю очки. Проверяю. Четыре с минусом, плохо раскрыл скрытый смысл – смысл между строк, ведь дуб не просто говорит, что жизнь кончена. Дерево позже скажет, что она продолжается. Весна пришла, и пришла не только в мир, но и в душу Болконского. Насколько же литература безгранична и мобильна.

Нужно переночевать. Почему бы не поспать в гардеробе, когда ты гражданин мира. Солнце уже потухло, но мысли никуда так и не делись. Они кружат у меня в голове, все серые и пустые, их много. Снова напала бессонница. Вокруг мерещатся призрачные шорохи, однако в мертвом мире создавать их по прежнему некому. Или... Нет, все же здесь никого кроме меня нет и быть не может.

Глава вторая: уничтожая прошлое

Пустая дорога. По бокам пустые и безлюдные дома. Они провожают меня томными взглядами. Кеды постукивают по асфальту, мне приятен этот звук. Именно в тишине начинаешь замечать вещи, которых раньше будто и не было вовсе. Ветер покачнуло дерево, листья зашумели, маленькая веточка упала на траву. Шелест. Я затягиваю дым, сигарета тлеет. Слышу еле ощутимый треск, с которым сгорает табак и бумага. Вы это замечали? Неверное нет. Я и сам давно не уделял всему этому внимания. Теперь же я все слышу, и эти звуки, въедаются в меня, как дым в кофту. Раньше – люди вокруг были отчасти тобой. Теперь, когда рядом никого, ты – это лишь звуки и мысли.

Я сел под яблоню, словно Ньютон, и начал медитировать, подобно Сиддхартхе. Вот так два совсем разных человека могут стать одним. Где-то в небе пролетело какое-то насекомое. Я не смог его разглядеть.

Когда мир меняется – меняешься и ты. Ты становишься другим, либо умираешь. Как давно я следил за своим дыханием? Когда в последний раз я делал глубокий вдох, задерживал воздух в груди, помогая сердцу биться ровнее и спокойнее? Никогда. Раньше, я просто пил, убивая любую когерентность. Теперь, когда все вокруг убито – я стал создавать. Создавать себя. Выдох. В моих ушах играет музыка. Спокойная. Тихая. Это песня жизни. Песня, которую не услышишь в наушниках. Медитация есть «раздумывание», это с английского. Как ни гони мысли прочь, они возвращаются. Иногда даже становится страшно, что ты что-то не поймешь, не обрабатываешь. И у тебя всегда есть выбор: оставить их или отбросить, осознав то, чего на словах никогда не передашь. Некоторые вещи становятся приторными, когда их объясняешь.

Удивительно: вокруг ни души. Никого, с кем бы можно было поговорить и обсудить свои мысли. Но я думаю на русском языке. Русский, английский, немецкий, французский, китайский и другие языки... Это всё средства взаимодействия с разными людьми, из разных точек мира. А что теперь, когда больше никого нет. Только я и язык. Язык для общения с собой. Будет ли он через двадцать, тридцать лет? Если и будет, то чем он станет? А когда я умру, он тоже будет или исчезнет? Может быть, я стану всегда думать без слов, они не так сильно нужны как раньше. А может, я и вовсе не буду думать.

Каждый день я стараюсь найти то, что можно уничтожить. Сломать. Разорвать в клочья. А вместо этого оставить что-то новое, подобно нашей жизни, которая разрушилась, а из руин её возникло что-то другое. Вывеска на стене гласит: «Ток-Шоу по субботам с 9 до 10». Она врёт. Я взял маркер. Зачеркнул более не нужные слова, заменив их на более подходящие. Теперь вывеска приглашает нас на «Сайлент-Шоу с 18.03.20 и навсегда». Нарисовал ещё символ бесконечности «∞». Мне показалось это забавным. Вдруг кто-нибудь и увидит и посмеется так же, как и я. Хотя навряд ли...

Позже, в баре, я разлил весь алкоголь, который остался на прилавках. Было принципиально разбить каждую бутылку. В середине на полу поставил свечу из ИКЕА, зажег ее. Вышел и снова сел под дерево, словно Ньютон или Сидхартха. Первый смотрел на яблоко и думал о том, как устроен мир. Второй медитировал, наблюдая за тем, как он функционирует. Я же смотрю на огонь, размышляя над тем, как этот мир умер.

Возродиться ли он, словно птица феникс...?

Глава третья: Образ

Пять часов утра. Солнце только начало всходить. Оно медленно поднимается над горизонтом, сначала лишь слегка, затем все сильнее освещая улицы. Стены домов приобретают желтый оттенок. Я всё это время смотрю на яркий диск, словно поднимаю его, как Гелиос – бог с золотыми волосами и с короной из ослепительных лучей. Греки верили, что он озарял землю лучами, даровавшими ей тепло жизни, а с наступлением ночи он уходил за горизонт, в воды Океана. Там его ждала золотая ладья, на которой он возвращался в свой дворец, чтобы наутро вновь отправиться в небо. Гелиос все знал. Он был всевидящим оком самого Зевса-Олимпийца, подобно быстроходному Гермесу, его любили боги и люди, животные и растения. Мифы древних греков, эту книгу я нашел в школьной библиотеке. Надеюсь, Солнце радуется, что ему есть еще ради кого вставать. Мне же от этого факта не особо весело.

Вообще, сомневаюсь, что солнышку на меня не насрать. Это звезда делает то, что должна. Так заведено в рамках вселенной. А я тут не причем. Умри я вместе со всеми, оно бы еще пять с половиной миллиарда лет вставало и освещало тут все. Сияло бы почти шесть миллиардов лет, перед тем как спалило бы всю планету. Но все же, я поднимаю солнце.

Спустя два часа я уже был в торговом центре. Оказывается, за город не так уж и трудно выбраться, когда дороги пустые. Я не умею водить, поэтому решил не воплощать в жизнь риск сократить население Земли на сто процентов. Велик я припарковал в специально отведенном месте. Все как полагается. Все по правилам.

Содрав все желтые ленточки со входа, но пройти все-таки не удалось. Нет электричества, поэтому дверь не работает. Ну не зря же я сюда все это время ехал. Заприметил продуктовую тележку в отдалении слева. К сожалению, разбить ей стекло не получилось. Оно выдержало удар с разгона. Забавно, подумал я, а в дверь уже ехал Джип с кирпичом на педали газа. Возможно, это слишком радикальные меры. Но мне нужно закупиться.

Мои штаны видали дни и получше, если так можно выразиться. Я достаточно часто лазил по разнообразным заброшенным местам: библиотекам, чтобы посидеть, полистать пропахшую временем бумагу; почти обвалившейся стройкам, ведь там такой хороший вид на закате – мне плевать на него, но кто-то же должен опустить солнце; чужим домам, чтобы спать в них; железным дорогам, походить по шпалам... Из-за всех этих ситуаций, я направился в магазин одежды.

Крыша стеклянная, поэтому внутрь легко проникает солнечный свет. Это своеобразное окно в небо. Однако облака через него разглядывать не слишком приятно – стекло уже давно никто не мыл. В магазинах же естественного освещения совсем нет, приходится освещать путь фонариком.

Я начал разглядывать стеллаж за стеллажом. Клетчатые штаны. Хм, когда-то это было писк моды. Пожалуй, пропуск хода. Джинсы слендер черные. Все было бы прекрасно, если бы только они не были джинсами слендер. Почти официальные штаны. Отлично для собеседования с нарисованным на стене начальником. Подождите... это что, килт. Конечно, мне нужен килт!

Я пошел в примерочную. Перед приобретением нужно всегда убедиться, что вещь действительно тебе подходит. Фонарь выпал из рук, когда я отодвигал занавеску. Он грохнулся

на пол, к счастью, с ним ничего не случилось. Лицо мертвой женщины было освещено лучом. Не самое приятное зрелище за сегодня. Она показалась мне очень знакомой, с другой стороны, когда ты давно не видел людей, может в голову ударить всякое. Да, я уже будто видел это лицо, но забыл его. Однако пугало не только это. Рот женщины был широко раскрыт, будто она кричала. Ощущение такое, что она воеет и сейчас. Я поднял фонарь. Это было нелегко. Искорки света мелькнули в пустых глазах. Мы встретились взглядом, чувство страха и отвращения наполнило душу. Я, не помня себя, покинул магазин.

Через несколько минут голова вновь начала соображать. Я уселся прямо напротив магазина, там, где сверху снова можно было увидеть свет.

Кортизол и адреналин – вот чего сейчас во мне больше всего. Почти не помню как здесь очутился. В такой ситуации это абсолютно нормально.

Я встал и пошел обратно, проговаривая про себя: «не надо». Это страшное место звало меня. Сердце колотилось в груди. Я подошел к примерочной, но она была пуста.

Я не писал два дня после той пугающей «встречи». Сказать, что чувствую себя хреново – ничего не сказать. Извел не одну пачку сигарет, но все бестолку, эффекта ноль. Оно и понятно. Что-то произошло когда я выжил. Теперь так тяжело вновь улыбаться. Дело даже не в том, что я привык к табаку. Нет, даже тогда во всем этом есть хоть что-то. Сигарета закрепляет чувства, которые ты испытываешь. Но во мне нет больше ничего, кроме грусти, поэтому, затягиваясь, я лишь усиливаю пустоту внутри. Думаю, надо завязывать, раз в этом больше нет никакого смысла.

Честно скажу, не знаю сошел ли я с ума, или нет. Почему я увидел ту женщину? Правда ли она была там? Так много почти риторических вопросов. Но вот уже два дня этот образ не выходит из головы, это делает меня нервным. Появился страх, который сложно объяснить. Заглушить его не выходит, становится лишь хуже. Два дня я почти не слезал с кровати. Пытаюсь забить свой организм едой и алкоголем, в надежде, что это отпугнет непроизвольные мысли. Но от крика мертвой женщины избавиться не получается.

Сам ли я создал этот полный отчаяния мир? Или он был создан каким-то очень жестоким божеством? Не знаю.

Нужно что-то сделать, что-то изменить. Но все мои старания – словно одна большая ошибка ошибка. Я бреду в лабиринте, то и дело путая пути, а мертвая женщина следует по пятам. Ощущение, будто я идиот, забывший что-то очень важное. Иногда мне кажется, что я и есть корень всех проблем.

Остаться в этом голоде более невозможно. Абсолютно все в этом месте давит на меня, я не вижу пути, и почему-то, постоянно чувствую себя виноватым. Хватит это терпеть! Бессмысленные походы туда-сюда. К черту их. Ну и, конечно же, мне страшно. Нужно бежать отсюда, тогда, может быть, я убегу и от навсегда застывшего в крике лица. Наверное, я схожу с ума.

Я собираю вещи. Завтра я уйду.

Глава четвертая: холод

Я на железнодорожной станции. Поезда давно не ходят. Пустые вагоны стоят на рельсах, бесконечно ждут несуществующих пассажиров. Ноги шагают по шпалам. Небо навело меня на мысль: курить давно не тянет. Я лишь продолжал ритуал, грубо говоря, от скуки. Но без дофамина все иначе. С его исчезновением прекращают свое существование и зависимости. Поэтому пусть табак идет в задницу. Я выкинул полупустую пачку и продолжил свой путь.

Спустя два часа передо мной возникла следующая картина. Поезд лежал на боку в нескольких метрах от путей. Видимо, он сошел с рельс. Не могу представить, что могло произойти, но ситуация интригующая. Из вагона донеслись шорохи. Мои уши теперь очень чувствительны, к тому, что происходит вокруг.

Я прижался к вагону, но ничего больше не услышал. Решил, что хорошей идеей будет забраться наверх. Окна теперь выходили прямо на солнце. Я глянул внутрь и заметил только крысу. Она стояла на задних лапах, видимо, желая эволюционировать. Завидев меня – сразу скрылась. Дверь в вагон оказалась открытой, и я забрался. Непривычно находиться в перевернутом поезде – сиденья торчали с левого боку.

Снова услышал шорохи. На этот раз из другого вагона. Открыл дверь, пошел туда, а точнее полез. Здесь не было ничего интересного. Я пролез в следующий вагон. Опять пусто. Хотя... не совсем. Прямо в середине помещения лежал детский альбом, который так и просил себя полистать. Первая страница – разукрашенный карандашом синий кит. Вторая – хм... Трудно сказать, кажется это какая-то игра с Сеги, интерпретированная детским сознанием: платформер, главный герой стреляет во что-то, в конце уровня клетка, а в ней кто-то сидит. Сверху пометка: Спасти рядового Брайана. И три жизни. Забавно. Еще пять картинок были вполне обычными детскими рисунками. Яркие, не совсем аккуратные. Листая дальше, я заметил, что характер изображений меняется. Они стали монотонными и холодными, но почему-то очень знакомыми. На страницах были мои воспоминания. Нет, я не утрирую, правда это, черт его дери моя жизнь. И от этой мысли мне стало плохо. Вот школа, в которой я был в начале недели. Рисунок выполнен простым карандашом. Листаю дальше, вижу дерево, под которым я сидел. Рисунок выполнен простым карандашом. Дальше горит кабак. Рисунок по-прежнему в серых тонах, несмотря на огонь. Я боюсь листать дальше. Руки трясутся. Все-же делаю это. На странице мертвая женщина. Она неслышно кричит. А я ору на весь поезд. Она снова смотрит мне прямо в глаза. Голова кружится. Я вырываю лист, комкаю его и кидаю в сторону. А в альбоме вновь появился рисунок, где парень листает альбом в перевернутом поезде.

Со стороны донесся уже знакомый шорох. Поворачиваюсь и вижу: крыса стоит на задних лапах, держит скомканным лист бумаги. Меня наполняет холод, на лбу выступает пот. Я теряю сознание.

Когда я вновь открыл глаза, было уже темно. Голова ужасно болела, а на сердце было непонятное странное чувство. Это сильное, ничем не подкрепленное ощущение, что все паршиво. Будто все в один момент сломалось и пошло под откос. Пришло осознание того, что моя жизнь подобна замку на песке. Это ужасное состояние, полное неумолимого страха и отчаяния, оно приходит из самых недр души, где таятся неразрешенные комплексы, проблемы. Я чувствовал все это телом. Такое происходит, если человек нарушил цикл сна, и мозг не перешел из одного состояния в другое – из состояния, когда не нужно ничего воспринимать в пол-

ную осознанность. Либо провалился в сон неестественным образом. Либо находился в крайне неудобном положении, подвергаясь при этом нежелательной температуре... В моем случае – я собрал все возможные причины, чтобы чувствовать себя живым мертвецом.

Вы не представляете как сильно болит спина после того, как ты полдня пролежал на холодном полу поезда. Я оперся на руки и немного привстал. Все тридцать три позвонка синхронно хрустнули. С поворотом головы в глазах загорелись яркие звезды. Голова гудела, сбоку возвышалась небольшая шишка. «Это я еще относительно аккуратно упал» – сразу же пришла мысль.

В вагоне безумно холодно, легкие забились, дыхание сопровождалось хрипом. Жаль, что чай в термосе уже слегка остыл. Впрочем, все-же приятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.